



ПРОГРАММА КНИГОИЗДАНИЯ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

СИМБИРСКАЯ ПРИСТАНЬ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИК

УДК 822
ББК 84Р2
С 37

Составитель **Илья ТАРАНОВ**

Главный редактор **Александр ЛАЙКОВ**

Редакционный совет:

**Александра Белова, Ольга Даранова, Александр Дашко,
Раиса Кашкирова, Елена Кувшинникова, Николай Марянин,
Александр Филатов, Ольга Шейпак, Татьяна Эйхман**

Издание выпущено при поддержке Губернатора Ульяновской области **С. И. Морозова** и Правительства Ульяновской области

С 37 **Симбирская пристань:** сборник произведений членов Ульяновского регионального отделения Союза писателей России /сост. И. Таранов; гл. ред. А. Лайков. – Ульяновск: [б. и.]; Тамбов: ООО «ТПС», 2019. – 352 с. – Издание выпущено при поддержке Губернатора Ульяновской области **С. И. Морозова** и Правительства Ульяновской области.

ISBN 978-5-907132-74-0

Сборник поэзии и прозы ульяновских писателей содержит произведения всех ныне здравствующих членов Ульяновского регионального отделения общероссийской общественной организации «Союз писателей России». Среди них люди разных профессий и разного возраста, с разными интересами и увлечениями, но всех их объединяет любовь к литературе, к творчеству, к русскому языку. В сборнике представлены произведения разных жанров, отобранные самими авторами.

Для широкого круга читателей.

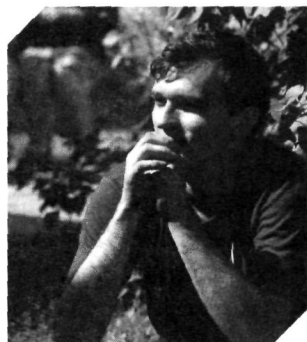
УДК 822
ББК 84Р2

ISBN 978-5-907132-74-0

© Ульяновское региональное отделение
Союза писателей России, 2019
© ООО «ТПС», 2019

Евгений САФРОНОВ

Евгений Валериевич Сафронов родился 23 января 1981 года. Фольклорист, кандидат филологических наук. Автор четырёх книг, в том числе – романа «Экспедиция. Бабушки офлайн» (Москва, 2018). Многие годы собирает сведения о людях, обладающих необычными, сверхъестественными способностями и в художественной форме обобщает свои наблюдения. В 2016 году за сборник «Ерошкин – предсказатель из Кувая» был награждён Международной литературной премией им. И. А. Гончарова. Член Союза писателей России.



ПОПРЫГУН

Рассказ

*По-прежнему Ольга Ивановна искала великих людей,
находила и не удовлетворялась и опять искала.*

А. П. Чехов

1.

Я тогда учился на третьем курсе филфака. У нас городок небольшой – всего-то несколько сотен тысяч жителей. Газет – дай бог с десятков штук, все журналисты знают друг друга как облупленных.

– Ты пиши в любом случае. Примут, не примут – вопрос второй. Главное, чтобы к концу пятого курса у тебя было хотя бы с пяток-другой публикаций. На работу тогда точно устроишься, – советовал мне мой дядька, который хоть и приходился мне седьмой водой на киселе, однако помогал нам с мамой частенько. Он уже *пенсионерствовал* (это его любимое словечко), но в своё время лет двадцать отпахал на ниве местной журналистики.

Я к его советам привык прислушиваться и, как сейчас помню, в середине мая 2012 года пришёл в редакцию газеты «Городской пульс». Название для СМИ дурацкое, но люди в «Пульсе» оказались хорошие. Редакторша приняла меня сразу, покивала головой и говорит:

– Пишите, Лёша, пишите! Любая городская тема нам интересна. А вообще, легче всего начать с какой-нибудь хорошей истории. Найдите человека поинтереснее – и побеседуйте с ним. У нас есть рубрика «Город и горожане», вот там ваш опус и опубликуем, если, конечно, напишете достойно.

Вот с этой редакторской «установки на добро» всё и началось. Я три дня раздумывал над тем, где бы найти этого самого интересного человека. Хотел сначала даже о дядьке своём написать: вот, мол, аксакал журналистики, вот с кем он встречался и у кого брал интервью. Но тут случилась среда, я вспомнил, что нужно готовиться к практикуму по литературоведению, и поскакал в университет, чтобы занять тетрадку с лекциями у Машки из второй группы. Ска-

кать пришлось на трамвае, который поворачивает возле известной на весь город кирхи.

И вот тогда-то из вагонного окна я впервые увидел Джанджгаву – большого бородача, похожего на Будулая из фильма про цыгана. В руках он держал обычную метлу и медленно рисовал ею по асфальту. Я не шучу: он точно рисовал, а не подметал. И тут пазлы сложились: известная кирха, колоритный бородач, которому наверняка есть что рассказать. Почему бы нет?

Я слез на следующей остановке, напрочь забыв о Машке и её тетрадке, и поспешил назад, к лютеранской церкви. Я встречался с ним всего один раз – до того, как он снова прыгнул.

* * *

Дворником Виктор стал всего-то шесть месяцев назад. Из трамвайного окна мне показалось, что ему за пятьдесят, а на самом деле ему совсем недавно исполнился сорок один. Когда мы зашли в его полуподвальчик за кирхой, я замер, разглядывая стены. Они были увешаны рисунками и картинами, выполненными маслом и карандашом – самых различных размеров, в рамках и без.

– Ваши? – я показал на рисунки. Он обвёл глазами странных животных, больших стрекоз с миллионами глаз, вытянутые вверх здания, каких-то весёлых, немного карикатурных девчонок, прыгающих через резиночки, и Бог весть что ещё – всего за один раз разглядеть было невозможно. Затем медленно кивнул, и мы пошли дальше. Я не сразу догадался, что Джанджгава не просто хранил здесь метлу с лопатой, – он тут жил. Мы уселись для беседы на жёсткой кровати, к которой был придвинут тёмный деревянный столик. Больше никакой мебели в комнатухе я не увидел. Дневной свет проникал сюда из узкого прямоугольного окна, иногда заслоняемого тенями идущих людей: оно находилось на уровне колен прохожих.

На улице я с ним перебросился буквально парой слов: мол, вот, я начинающий журналист, хотел бы побеседовать – о нём, о городе, о кирхе. Бородач пожал плечами и попросил меня подождать пять минут – пока он доедет тротуар. Я обрадовался, так как не ожидал, что мой новый знакомец так быстро согласится.

Теперь же мы сидели в его комнатухе, диктофон в сотовом записывал, и я испуганно перебирал в голове возможные вопросы, с которых журналист-профи начал бы интервью. Но дворник заговорил сам. И во время этой беседы как-то забылось, что именно я беру интервью.

– Вот скажи мне, Лёша, есть у тебя родители? Есть... Живы? Вот и хорошо, дай Бог им здоровья. И дом у тебя есть. И школа, куда ты ходил лет десять, – конечно, по одному и тому же маршруту: через какие-нибудь два двора, по тротуару, через парк – затем по зебре или на светофоре через перекрёсток. Потом парадное крыльцо с четырьмя бетонными ступеньками; одни и те же лица школьных друзей-врагов. И после – уни-

верситет, да? Катаешься туда-сюда пять раз в неделю? Так? – бородач смотрел на меня и улыбался.

Я кивал, чувствуя себя немного не в своей тарелке: всё-таки задавать вопросы должен был я. Да и вопросы были какие-то странные. К чему это он ведёт-подводит?

– Я это к тому, – словно читая мои мысли, продолжает Джанджгава, – что мы не выбираем. Вот родился ты в определённой семье или городе – и тут уж, хошь не хошь, но никуда не денешься. Это ладно. Но ведь многие люди и в остальном такой же подход исповедуют: поступили в школу, так в ней с первого до последнего класса и держатся. С работой так же, квартирой, магазинами, друзьями... Так ведь?

– А вы... – я осторожно подбирал слова. – У вас... по-другому?

– Да, – уверенно кивнул бородач. – Я стараюсь это переломить...

2.

– Я родился в Поти. Это в Грузии, там тепло. Берег Чёрного моря. Моя семья переехала в Россию, когда мне было семь. У меня осталось от того времени несколько ярких воспоминаний. В порту жила трёхногая собака Волна, – обычная дворняга, каких сотни, особенно в небольших городах.

Я её обожал. Не знаю, почему, но я часто оставался один – мы ведь жили недалеко от портовой зоны. Я любил сидеть на пирсе, который острым концом выдавался далеко в море. Волна лежала рядом, и мы смотрели, как солнце медленно уходит за горизонт. Сзади колыхались небольшие баржи и лодки. Моя рука гладила тёплую шерсть дворняги, и счастливее нас не было никого.

А потом её убили. Не знаю, как это произошло: я нашёл чёрное тельце внизу на старом причале. Мне было всего семь лет. Я пытался поднять чёрную проломленную голову, мне всё казалось, что её хвост сейчас вздрогнет и привычно зайдёт о землю – от радости, что я пришёл. Я бы тогда заплакал, поцеловал её чёрный нос, поднял ладонями смешные длинные уши. А потом мы оба пошли бы на наш остроконечный пирс и снова ждали бы, пока солнце скроется в море. Но Волна лежала, чуть обнажив зубы, и от неё уже начинало пахнуть.

Тогда я оставил собаку у старого причала и пошёл смотреть закат один. О том, что её можно и нужно похоронить, я не думал. Я сел на тёплые доски, свесив ноги к тёмной, вечерней воде, увидел привычную кроваво-красную дорожку, проложенную в волнах заходящим солнцем. И – прыгнул. Впервые. Я тогда ещё не знал, не понимал, что произошло.

Очнулся я дома в кровати, рядом – отец и мама. Всё выглядело так, словно ничего не случилось. Или родители сделали вид, что всё нормально. Но в действительности так и было: всё нормально. Я прыгнул, и мы уехали из Поти – буквально через неделю. Хотя до этого никто и не думал оттуда уезжать.

Детсад. Это время я помню лучше. Мы переехали из Поти в Подмосковье. Здание было одноэтажным, грязно-жёлтого цвета. Не знаю, помните ли вы тот запах, который и сейчас, наверное, встречает тех, кто заходит в детские сады. Невыносимый запах какао в гранёных стаканах с запёкшейся коричневатой пенкой на стенках. Иногда – запах запеканки и чуть подгоревшей каши. О боги, боги мои! Я даже вспоминать об этом не могу без содрогания. А ещё – небольшие шкафчики со злыми мордочками мультяшных зверей.

У нашей воспитательницы (милосердная память стёрла её имя) была привычка не пускать детей в туалет во время тихого часа. На самом деле спать мы должны были часа по два, и где-то к половине этого срока мочевого пузырь начинал переполняться. Что-то внизу давило всё сильнее и сильнее, но я, как и ещё 14 таких же мучеников, лежал и не смел пошевелиться.

Многие не выдерживали – особенно девчонки – и продолжали «отдыхать» на мокрых простынях. А затем воспитательница выстраивала детей в ряд и каждому в группе демонстрировала позорную простынь провинившегося.

Однако прыгнул я далеко не сразу – лишь через несколько месяцев, в конце весны. Все дорожки, горки и лазалки подсохли, и нас чаще стали выводить на прогулку. У меня было любимое место – угол деревянной беседки, где грели свои красные и чёрные тельца муравьи и солдатики. Я садился на корточки и наблюдал за их таинственной работой.

В тот день ко мне присоединились ещё двое мальчишек – Мишка и Вовка. Они посидели со мной минуты две, а затем Мишка встал и принялся ногой в дырчатой сандалиии давить обитателей угла. Несколько секунд, замерев, я смотрел, как разбегаются те, кто ещё остался в живых, а затем встал и ударил обидчика в лицо.

Влепил я ему порядочно, крику и слёз – до небес. Воспитатель схватила меня за руку и отвела в группу, где под надзором практикантки я должен был стоять в углу долго-долго, пока не осознаю всю меру и тяжесть своей вины.

Сверху над моим углом висели полупрозрачные шторы светло-синего цвета. Из открытой форточки дул лёгкий ветер, играющий с занавеской. Её уголок то и дело касался моей головы, словно успокаивая. Слева на потёртых обоях было рваное пятно, похожее на черепаху: четыре неуклюжих, толстых ножки и вытянутая на тонкой шее голова. Я вообразил, что черепаха ожила, тут же сел на её панцирь, и мы с ней пустились в долгое плавание – с приключениями, островами, затонувшими кораблями и кладами.

И тут что-то срослось и сложилось: ощущение горькой обиды и потери, ласковое прикосновение занавески, манящий силуэт черепахи и острое желание уйти. И я снова прыгнул. На этот раз более осознанно, с постепенным пониманием того, что последует дальше.

Когда я вернулся, почти ничего не изменилось – лишь голова моего гида-черепахи смотрела теперь в другую сторону. И занавески стали чуть светлее, чем были до прыжка.

Через четыре дня родители перевели меня в другой садик.

* * *

– Ты думаешь, Лёша, я сам себе не задавал этот вопрос? Что значит «прыгнуть»? А хрен знает. Вот честно. Да, русский язык богат, да, заблуждается тот, кто уверяет, что якобы есть такое, чего нельзя выразить словами. Но – есть. Правда. Я могу описать прыжок только так, как рассказал о нём выше...

Хорошо-хорошо, приведу ещё пример. В школе я научился рисовать. Наша классуха Вера Фёдоровна – крошечная женщина со сморщенным, похожим на детский кулачок лицом – заметила мои изрисованные поля в тетрадках. Вместо того чтобы изругать меня и выставить мои каракули перед всем классом, как белые простыни с ещё не просохшими жёлтыми пятнами мочи, – она встретилась с моей мамой и посоветовала записать меня в детскую школу искусств. Классуха сделала это зря, потому что об учёбе я тогда почти забыл: меня захватил белый альбомный лист и карандаши с красками. Я и теперь не могу прожить ни дня, чтобы не нарисовать хоть что-нибудь.

Ведь это потрясающе: вот ещё буквально секунду назад ничего нет. Совсем ничего. И вдруг ты видишь там, за дрожащей пеленой бумажной границы, нечто иное – какую-то другую жизнь, других существ, удивительное, прекрасное место, куда тебе хочется всем сердцем. Ты чувствуешь, что именно там – родное, твоё; те нездешние законы и правила – это твои правила.

И чтобы хоть немного развеять тоску, разорвать бумажную пелену, скрывающую родной мир, – ты просто переносишь всё увиденное на бумагу.

Думаешь, Алексей, что я несу романтический бред? Символическую и мистическую труху? Ведь ты – филолог, тебе так и полагается думать. Но я говорю, что видел и чувствовал, говорю, как было и есть...

Вообще-то, школа мне нравилась – поэтому прыгнул я только в восьмом классе. Я тогда влюбился сразу в двух девчонок и начал по очереди ухаживать за ними. Одну звали Ирина, она сидела на уроках прямо передо мной, и её толстая каштановая коса то и дело прыгала по красивым плечам, когда та вертела головой. А вертела она ей часто: любопытная была девчура.

Другую все звали Катеринкой. Она училась в параллельном классе, уже красила губы, ресницы и считала себя взрослее остальных. Я её полчетверти провожал до дома и даже два раза поцеловал в щёку.

А потом мне вздумалось нарисовать Катькин портрет. До этого я переносил на альбомные листы разное – в основном то, что виделось мне сквозь бумажную границу. Я, кстати, до самого универа думал,

что все художники так и рисуют: переключаются на бумагу лишь то, что видят там.

Когда начал рисовать Катеринку, почувствовал, будто куда-то провалился. Так и уснул вечером с карандашом в руке. Утром встал, посмотрел – портрет как потрет. Приношу в школу, на перемене дарю своей зазнобе, она смотрит на него, а потом всучает мне обратно: «Нарисовал свою Ирисову – вот ей и отнеси!» – и прочь от меня. А Ирисова – это фамилия Ирки из моего класса. Я ничего не понимаю. Переворачиваю портрет, начинаю рассматривать. И удивительное дело: на первый взгляд, на бумаге точно изображено Каткино лицо – с родинкой на подбородке, с чёлкой на левую сторону, с тонким носом. Но если всматриваешься дольше, то вдруг видишь совсем другое лицо. Иркино. Один в один.

Я подумал-подумал, отнёс рисунок домой и спрятал в ящик стола – от греха подальше. И с того момента у меня пропал интерес и к той, и к другой девчонке. Почему? Трудно объяснить. Понимаете... Я вдруг понял, что мне нужен кто-то третий – тот, кто изображён на картине, в которой просвечивала одновременно и Иринка, и Катя.

Прыгнул я через две недели – во время драки с одним десятиклассником. Не помню, из-за чего мы подрались: повод, конечно, был. Мы встретились с ним на большой перемене на четвёртом этаже – в том месте, куда тайком ходили курить и учителя, и «старшаки». Помню, его кулак по касательной попадает мне сначала в ухо, а затем новый удар – в подбородок. Перед глазами, словно на 3D-экране, возникает карандашный портрет Ирки-Катеринки. А потом – мгновенное перемещение на другую сторону.

В этот раз я очнулся уже в «Скорой». Как потом мне рассказали, за помощью в кабинет завуча прибежал тот самый парень, с кем мы выясняли отношения на четвёртом этаже.

3.

Устроился я на свою первую работу так: у мамы была знакомая на автозаводе, и там потребовался сисадмин. Я в этом немного шарил и решил подзаработать – хотя и учился тогда очно на третьем курсе истфака. Поступил-то я на естественно-географический, но переделался в истории ещё на втором курсе.

Именно на автозаводе я постепенно начал понимать, как вообще устроена общественная система рабства – я столкнулся с *прижиманиями*. Тебе это, Лёша, ещё предстоит пройти: ты ведь пока учишься, толком нигде не работал, так? Ага. Так вот: прижимать обычно начинают не сразу.

Устроился я, повозился немного с железом, настроил обменник для двух этажей административного здания – всего на 36 компьютеров. Сделал это за четыре рабочих дня. «Ну, думаю, пора и честь знать... Нужно и об учёбе подумать». Буквально через десять минут подходит замначальница – такая мадама на шпильках с Эверест и в розовой блузе.

– Витя, у нас тут в литейке у начальника Винд не запускается. Сходите – посмóтрите? – и уже не глядит на меня: тут главное месседж донести, остальное – пофиг.

Я, конечно, киваю. Бреду в литейку – а это, на всякий случай, километр туда, километр обратно. Налаживаю комп у начальника цеха. Пока возвращаюсь – звонок. От той же на шпильках-эверестах.

– Виктор, тут в 406 кабинете на 4-м этаже у принтера картридж надо поменять. Сделаете?

– Ок, – отвечаю. – Сотворю.

Пока меняю картридж, узнаю, что в инструментальном цехе проблема: на одном из компов надо установить специально купленную программу. Сами они, видишь ли, не в силах. Ну, куда деваться – иду туда. И такая круговерть – неделю, вторую, третью, четвёртую. Какая там учёба – это у сисадмина-то без определённых занятий?..

Но это ещё не *прижимания*. Это так, цветочки. Прижимания начинаются обычно так:

– Виктор, я сегодня с утра зашла к вам – в 8-04. Вас не было на рабочем месте. По данным электронной проходной вы прошли через турникет 8-07. Ещё раз такое повторится – лишим вас 10 процентов премии.

– Ну да, ну да, – киваю. А что ещё остаётся делать? Ну не объяснять же, что застрял по дороге в пробке.

Дальше – больше. Начинаются «домашние задания»: мол, «Витя, тут надо побыстрее, здесь только до утра терпит». Я понимаю, что смогу это сделать на домашнем компе. И постепенно работа перетекает домой. Тут не до рисунков, книг и учёбы. Не до творчества и всего остального. Тут везде – один автозавод.

Кстати, именно на первой своей работе я и изобрёл этот термин – «прыгать». До того момента я даже не знал, как называть свои мгновенные перемещения *туда*. Прыгнул я через полгода – срок, между прочим, приличный для того уровня прижиманий, который был на заводе. Официальная формулировка – «уволен по собственному желанию».

Года через два я устроился в одно юридическое агентство – уже после окончания универа. Закончил я без троек, но и без особого багажа знаний: к концу пятого курса я уже не видел смысла в продолжении учёбы – слава Богу, что сей момент совпал с получением диплома.

Прижимать в юрагентстве принялись не сразу, надо отдать им должное. Но через четыре месяца меня уже там и след простыл.

Затем я открыл для себя работу SMM-менеджера. Вот тут-то я себя почувствовал будто в раю: ежедневно что-то новое. Чего стоит ежечасное подвисяние в ленте новостей! Скользишь по ней и не знаешь, какое открытие тебя ждёт через секунду. У меня даже развилась зависимость: я подвисал в ВК, твиттере и фейсбуке не только по работе, но и просто для удовольствия. Проводил за бесцельным просмотром различных постов много часов, забывая обо всём на свете. А затем стал

замечать, что без этого уже просто не могу жить – как наркоман без наркотиков.

Тут уж, хочешь не хочешь, но прыгать придётся...

4.

За узким прямоугольным окном уже вечерело. Пора было прощаться. Джанджгава не помнил, какая по счёту была работа дворником при кирхе – да это, наверное, и не важно. По нескольким его обмолвкам я понял, что у Виктора однажды даже наметилась семья.

– Но я, как всегда, вовремя прыгнул, – говорил, улыбаясь, мой собеседник. Мы пожали с ним руки на пороге, и я вышел на улицу.

Больше мне встретиться с ним не удалось. Возле кирхи я тоже его ни разу не замечал, хотя проезжал там каждый день – кроме выходных.

Как-то, года через два после публикации моей газетной заметки о странном бородаче, я заглянул во двор лютеранской церкви и разговорился с пожилой женщиной, которая работала помощницей пастора по хозяйству.

– А-а, Витя-то? Да он уволился давно... Он вам тоже про «прыганья» свои рассказывал? Да-да, попрыгун ещё тот. Он ведь эпилептик, вы не знали? – отвечала она на мои расспросы; говорила женщина насмешливо и немного с сочувствием – тем самым тоном, который появляется при разговоре о дураках и пьяницах. – У него как припадок случится – так он всё, считает, что того: в ином мире побывал. И сматывается сразу оттуда, где работал. Я так думаю, что стыдится он своих припадков. А чё тут стыдного: болеет человек. Вот и не держится долго нигде.

Где Джанджгава сейчас живёт и работает, моя собеседница не знала.

– А мне и не интересно-то особо: куда-нибудь в дворники подался, а может, и в бомжи. Много у нас таких прыгунов-то по России шастают...

Тогда я спросил её о рисунках бывшего дворника. Оказалось, что он большую часть раздал, кое-что взял с собой.

– Может, что-то осталось ещё в его подвальчике – где инструменты хранятся... – женщина указала в сторону подсобки.

Я упросил её открыть мне подвал и после недолгих поисков наткнулся там на два рисунка-наброска – один на альбомном листе, другой – на оторванной обложке блокнота. Они и сейчас у меня. Я достаю их тогда, когда вспоминаю о том, что мне уже тридцать семь, что я работаю в одной и той же газете десятый год подряд и что я нигде, кроме своего родного городка, больше не жил.

На одной картине изображён маленький мальчик, над головой которого – большое окно с поднятой ветром занавеской светло-синего цвета. На другой нарисована самая обыкновенная дверь, правда, почему-то без ручки и замочной скважины. Непонятно, закрыта ли дверь наглухо или там есть небольшая щель. Я надеюсь, что щель всё-таки есть – иначе было бы совсем-совсем невыносимо.